

Привыкший к трёхразовому питанию, Тан Шоу и готовил трижды в день, совсем не следуя здешним обычаям. А Сюн Чжуаншань потакал ему — по правде говоря, он соглашался на всё, лишь бы Тань Шоу не помышлял о побеге.

Только они убрали со стола, как снаружи раздался голос — кто-то звал у ворот. Тан Шоу удивился: он знал, что у Сюн Чжуаншаня в деревне не то чтобы дурная слава, но его характер пугал людей, и потому они его сторонились. Так что в гости никто не заходил, а когда тот получил травму этой ночью, никто из соседей не пришёл навестить.

Больше всего Тан Шоу удивляло, что после ухода мать Сюн Чжуаншаня так и не появилась, и вообще ни один его родственник не показывался.

— Кто бы это мог быть? — пробормотал Тань Шоу с недоумением.

Сюн Чжуаншань слегка нахмурился, уже догадываясь, кто пришёл.

— Наверное, это Сюн Тэ и Сюн Чжу. Пойди открой,пусти их. Я попросил их помочь кое с чем. А если принесли что-то — не бери, когда будут уходить, верни им.

— Хорошо, — кивнул Тан Шоу.

И точно — за дверью стояли двое братьев из семьи Сюн.

— Невестка, — сдержанно поздоровался Сюн Тэ, — я и четвёртый брат пришли навестить второго брата.

— Заходите, — ответил Тан Шоу. — Он догадался, что это вы.

— А? Ох... — замялись они, заходя внутрь, неся в руках корзинку с крышкой, скрывающей содержимое. — Это матушка велела передать второму брату.

Тан Шоу не стал отказываться в лоб, просто принял корзинку и поставил на пол — когда те уйдут, просто вернёт её обратно.

Без приглашения оба брата не осмеливались сами зайти в дом — держались так, будто вовсе не родные. В этом было что-то болезненно-чужое.

— Проходите, — пригласил Тан Шоу.

Увидев Сюн Чжуаншаня, оба брата заметно занервничали, переминались с ноги на ногу, долго не могли вымолвить ни одного связного слова.

В конце концов, сам Сюн Чжуаншань заговорил:

— Садитесь у кровати. Я как раз хотел вас о чём-то попросить.

Он достал из-за пазухи небольшой матерчатый мешочек, развернул — внутри оказалось несколько серебряных и горсть медных монет. Он передал это братьям:

— Я заказал в кузнице в уездном городе железный котёл. Договорился, что завтра его заберу. Залог — один гуань — я уже внёс. Если у кого из вас завтра есть свободное время, помогите, съездите за ним. Серебро — оставшаяся часть оплаты. А на мелочь купите соевый соус, уксус, и ещё литр рапсового масла — дома всё уже на исходе.

Братья закивали, сели на край кровати, но долго не усидели — неловкость была такая, что через несколько минут встали и собрались уходить. Тогда Тан Шоу подал им корзинку, которую те принесли.

Братья замахали руками, отказываясь:

— Мы не возьмём, это ведь матушка велела...

— Это сам второй брат сказал вернуть, — невозмутимо ответил Тань Шоу.

И братья тут же стушевались, опустив головы, молча забрали корзину.

Уже отойдя довольно далеко, Сюн Чжу вздохнул:

— Второй брат по-прежнему не может нас простить.

Сюн Тэ покачал головой:

— Я не виню его. В той давней истории мы были неправы. И хорошо уже, что он вообще признаёт нас братьями.

— Угу... — кивнул младший, а потом, словно вспомнив: — Завтра я схожу за котлом, ладно? А ты, кажется, собирался с невесткой к её родне?

Как только упомянули родню жены, лицо Сюн Тэ потемнело. Сюн Чжу поспешно сменил тему:

— Кстати, странно, что второй брат вдруг решил купить железный котёл. Такая вещь дорогущая — целых два гуаня! Разве не всё равно, что варить в глиняном? А ещё этот соевый соус, уксус — дорогое это дело. Всё баловство для господских домов, не для нас, арендаторов.

И масло рапсовое зачем — у вас же в доме и так полно животного сала, оно и вкуснее. Что вдруг с ним случилось?

Сюн Тэ, человек молчаливый и прямой, поспешно замахал руками:

— Третий брат, только дома матери ни слова, а не то опять станет бранить невестку. Второму брату уже двадцать восемь, еле как устроили ему брак — нечего теперь ссорить мать с его супругом. Всё равно они теперь живут отдельно, мать туда не ходит — ничего и не узнает.

Когда братья вернулись домой, родители Сюн сразу вышли навстречу и засыпали вопросами:

— Как там у второго сына с раной? Всё ли в порядке?

Сюн Чжу ответил:

— Выглядит неплохо, бодрый, вы не переживайте, всё хорошо.

— Ну и слава небесам, — с облегчением выдохнул отец.

А мать — женщина чуткая — только подумала о том, что сыну было больно, а она даже не смогла навестить его, как тут же растрогалась, сдавленно всхлипнула.

— Ма, ты чего вдруг заплакала? — растерялся Сюн Чжу.

— Непокойно мне на душе... Ладно уж, сколько лет прошло — чего мне держать зло. Когда вы уходили, А-Шань хоть что-нибудь вам велел передать?

Братья переглянулись. Взгляды говорили сами за себя — ничего хорошего.

Но Сюн Чжу всё же решился сказать правду:

— Мама, вещи, что ты передала, второй брат не взял, мы их назад принесли. Сказал, что у него всё хорошо, чтобы вы не переживали. Дорога скользкая, снег — не надо, мол, к нему ходить.

Чжан-апо тут же залилась слезами:

— А-Шань... до сих пор обижается на меня...

Когда котёл привезли, Тан Шоу был в восторге, рассматривал его с редким увлечением, от души радовался, вычистил до блеска, даже несколько раз подряд промыл, как дитя, получившее игрушку.

Сюн Чжуаншань, глядя на то, как он радуется, сам был доволен до невозможности — сколько бы денег это ни стоило, ни капли не пожалел.

— Этот котёл отличный, — с восторгом проговорил Тан Шоу. — С ним я столько вкусного смогу приготовить! Вот бы сейчас баранину сделать... Только вот приправ не хватает, не получится — нужен и имбирь, и чеснок, и перец, чтобы отбить запах, а у нас ничего такого нет.

Чеснок, к слову, появился ещё в эпоху Цинь и Хань, а династия Юй по развитию соответствует приблизительно Сун, так что в здешнем мире он точно существует.

Сюн Чжуаншань сразу сказал:

— Скажи, что тебе нужно, я всё куплю. Через пару дней нога заживёт — съезжу в уездный город.

Тан Шоу покачал головой:

— Не надо. У нас же почти не осталось денег.

Он ещё накануне видел тот самый мешочек с деньгами, из которого Сюн Чжуаншань платил за котёл и делал прочие покупки — там осталось, самое большее, два ляна серебра. А жизнь долгая, деньги на ветер пускать нельзя.

— Ты о деньгах не думай. Пару мешков приправ я осилю. Вот нога заживёт, съезжу в город, подработаю — и будет.

Но ведь разделка быков и овец приносит всего по два цяня, за два раза — четыре. А если покупать все те приправы, что нужны, — четырёх цяней явно не хватит. Значит, сейчас самое главное — придумать, как заработать.

А вот в этом и проблема: все прибыльные занятия, которые знал Тан Шоу, требовали приличного стартового капитала. А чего сейчас в доме меньше всего — так это капитала. Оставалось одно — попробовать что-нибудь мелкое, не требующее вложений. Вопрос только: чем можно заняться с малыми средствами?

Погружённый в размышления, Тан Шоу незаметно для себя ушёл в себя.

— Что случилось, фулан? — озабоченно спросил Сюн Чжуаншань. — Ты не беспокойся, в доме

есть деньги, несколько вэнь на приправы — это не проблема.

— Я вот думаю, чем бы таким заняться, чтобы можно было заработать, — ответил Тан Шоу.

Сюн Чжуаншань нахмурился:

— Заработки — это моё дело, тебе не стоит об этом думать.

— Как это твоё? Разве я не часть этой семьи? — вскинулся Тан Шоу.

Сюн Чжуаншань не посмел сказать, что, по здешним устоям, зарабатывание денег — дело мужчины. Он давно уже понял: Тан Шоу вовсе не воспринимает себя как шуанъэра, он ведёт себя как самый настоящий мужчина. А потому Сюн Чжуаншань побоялся разозлить его неосторожным словом — и предпочёл промолчать.

И вдруг Тан Шоу оживился, в глазах вспыхнул огонёк:

— Точно! Я ведь умею делать сладости. Мы можем делать пирожные и носить их продавать!

— А какие ты умеешь? Если хорошие — можно и вправду отнести в уезд продавать.

Тан Шоу на секунду задумался, а потом загибать пальцы:

— Много чего! Начнём с простого, на что почти не надо затрат. Пирог из бобов-мунг, пирожные с османтусом, паровые рисовые лепешки Магао, шарики из квашеного теста Фагао...

Часть из названного Сюн Чжуаншань слышал, часть — и вовсе впервые.

А Тан Шоу сиял от возбуждения, всё лицо залилось румянцем:

— Вот только жаль, что дома почти ничего нет. А то я прямо сейчас бы взялся! Но ты не волнуйся, получится вкусно — я гарантирую. Обязательно пойдёт на ура, точно не прогорим!

Сюн Чжуаншань на самом деле не слишком вникал — для него это было скорее как потакание прихоти любимого фулана. Он и не подозревал, что те два ляна серебра, на которые он выкупил себе шуанъэра, на самом деле принесли в его дом не просто супруга, а настоящее сокровище — бога богатства. И что совсем скоро вся деревня Синьхуа, а потом и весь уезд Юйлинь, перевернутся вверх дном из-за этого переменчивого, дерзкого, но по-настоящему золотого фулана. А пока что Сюн Чжуаншань просто баловал своего супруга, думая: хочет печь пирожные — пусть печёт, не продаст — сами съедим, и не жалко.

Не в силах дожидаться утра, Тан Шоу сразу отправился просить двух братьев из семьи Сюн помочь закупить необходимые продукты. По прикидкам Сюн Чжуаншаня, если нужны и сахар, и мёд, и мука из клейкого риса — дёшево не выйдет, поэтому он дал ему с собой шестьсот вэнь медной монетой.

Тан Шоу, сияя от радости, собрался было сам идти в дом семьи Сюн, но Сюн Чжуаншань удержал его:

— Ты подожди дома, я сам схожу.

— С твоей ногой ты куда пойдёшь? Если не доверяешь — я тогда и вовсе не буду делать, — угрюмо сказал Тан Шоу.

— Я сам не пойду, я попрошу соседа передать.

Сосед Сюн Чжуаншаня, увидев его, опирающегося на костыль и с поддержкой Тан Шоу, перепугался, но, выслушав просьбу, тут же согласился.

Звали соседа Цай Сюэ. Когда он пришёл в дом семьи Сюн, старший брат Сюн Тяо как раз с женой и двумя детьми ушёл к теще, дома был только младший брат, Сюн Чжу. Тот и не ожидал, что Цай Сюэ пришёл по поручению Сюн Чжуаншаня, и потому не стал скрытничать от матери. Мать Сюн, услышав, что Тан Шоу опять «капризничает» и требует купить такие дорогие вещи, как сахар и мёд — то, что простым крестьянам не по карману, — тут же пришла в раздражение. Если бы не её отдалённые отношения с сыном, она бы уже сорвалась и пошла бы сама на разборки.

Опасаясь, что мать наговорит чего лишнего и потом это дойдёт до ушей Сюн Чжуаншаня, вызвав его недовольство, Сюн Чжу поспешил проводить Цай Сюэ.

На обратном пути он как раз столкнулся с братом, вернувшимся с детьми, но без жены.

Сюн Чжу тяжело вздохнул и сказал:

— Опять тётка Чжао отчитала?

Тётка Чжао — так он называл мать своей старшей невестки. Семья Чжао жила не в деревне Синьхуа, а в деревне Сяонань, что в часе пути отсюда. Люди там жили зажиточнее, ведь почти в каждом доме умели ткать: в свободное от полевых работ время они разводили шелкопрядов и ткали ткани, что приносило неплохой доход. В отличие от Синьхуа — беднейшей деревни во всей округе.

Старшая невестка Сюн была старшей дочерью в семье Чжао. С таким достатком у семьи не было проблем выдать дочь замуж. Однако именно из-за того, что условия у них были

хорошими, девушка была весьма привередлива — выбирала да перебирала, и всё никак не могла определиться, так и дошло до шестнадцати лет.

Семья Сюн была бедной, земли почти не было, и каждый год после жатвы они вынуждены были наниматься на подённые работы в другие дома. В тот год они через знакомых нашли подработку в доме семьи Чжао. После трех дней работы старшая невестка Сюн и Сюн Тэ вдруг приглянулись друг другу, и девушка решительно захотела выйти за него замуж. Семья Чжао сперва была категорически против, считая семью Сюн нищей, но в итоге сдалась под натиском дочери, готовой чуть ли не жизнь покончить, лишь бы добиться своего. К тому же, по расспросам выяснилось, что Сюн Тэ хоть и беден, но человек честный, трудолюбивый, да и дочке уже шестнадцать, на выданье давно — ещё немного, и в старых девах останется. Так что родители с неохотой согласились.

Про свадебные подарки и речи не шло — у семьи Сюн не было на них ни гроша. Наоборот, семья Чжао щедро одарила дочь: с добрым приданым, хорошей одеждой и провизией. Поэтому семья Сюн с самого начала оказалась в долгу и чувствовала себя перед богатыми родственниками неловко.

Только после того, как девушка вышла замуж и переехала, она поняла, насколько же семья Сюн бедна. Порой еды не хватало даже на самое необходимое. Она не раз возвращалась домой в слезах, жалуясь матери. Та, пожалев дочь, каждый раз передавала ей немного мяса, крупы или чего-то вкусного. Пусть немного, но хоть что-то. Однако в доме Сюн не было разделения семьи, и всё, что приносила старшая невестка, ели все. Так и вышло, что семья Сюн перед родней жены всё больше чувствовала себя униженной.

А семья Чжао, в свою очередь, презирала Сюн Тэ за его несостоятельность — мол, не в состоянии прокормить собственную жену. В других семьях девушки, выйдя замуж, ещё и родительский дом поддерживают, а их дочь, напротив, вышла замуж и всё равно тащит с родни. Мать Чжао постоянно твердила своей дочери, что Сюн Тэ — неумеха, и со временем старшая невестка Сюн сама стала повторять это, всё больше презирая мужа и всю его семью.

Сюн Тэ был человек простой и честный, понимал, что его семья бедна, и считал, что ему просто повезло заполучить такую жену. Он старался не ссориться с семьёй жены, ведь знал, что обидеть их — значит потерять жену. В доме Чжао он чувствовал себя униженным: теща постоянно третировала его, смотрела свысока и почти не замечала своих внуков.

Ходить туда ему совсем не хотелось, но старшая невестка возвращаться в родной дом всегда была рада. В семье Сюн по несколько месяцев кряду не было и намёка на мясо, и когда её совсем одолевала тоска по вкусному, она возвращалась к родителям — там ей готовили. Правда, теперь, когда оба ее младших брата женились, просто так есть в родительском доме стало неудобно. За каждый кусок мяса приходилось отрабатывать — помогать по хозяйству: минимум три-пять дней, а то и десять-пятнадцать.

Чжан-апо, несмотря на свою крутой нрав, не могла не уступать в одном — бедность всё-таки давала о себе знать. Она боялась, что старшая невестка сбежит, а старший сын так и останется холостяком. Поэтому и закрывала глаза на то, что невестка постоянно бегаёт к родителям, а её

сын терпит унижения в доме тѣщи.

<http://bllate.org/book/13592/1205338>